

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

PG
3460
F49
S8
1906

141

БИБЛИОТЕКА ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ.

1906 г. — № 3.

В. Н. Фигнеръ.

14792

СТИХОТВОРЕНІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. А. Гольдберга, Лиговская, 57.

1906.

Вмѣсто предисловія *).

... Посылаю вамъ небольшой сборникъ своихъ стихотвореній. Я выбрала лучшія, вѣрнѣе сказать—тѣ, которыя казались такими мнѣ и моимъ товарищамъ по заключенію, хотя они одобряли и многія другія, вѣроятно, изъ снисходительности къ автору. Штукъ семь уже были въ печати въ разное время и въ разныхъ изданіяхъ и, по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, нравились, быть можетъ, какъ характерныя для тюремнаго настроенія, а быть можетъ, изъ интереса къ автору, такъ какъ публика относится ко всѣмъ намъ съ такой сердечной теплотой и вниманіемъ, что чувствуешь себя положительно подавленной сознаніемъ, что на такую любовь, на такое горячее отношеніе надо-бы отвѣтить чѣмъ-нибудь громаднымъ, какимъ-нибудь подвигомъ,—а удастся-ли въ жизни оплатить дѣятельностью то, что дано больше всего пассивнымъ перенесеніемъ заточенія?..

... Признаюсь, къ художественному значенію моихъ стиховъ я отношусь отрицательно. Настоящее мѣсто имъ было бы, кажется, въ воспоминаніяхъ о Шлиссельбургской крѣпости. Написанные часто въ порывѣ горести, въ слезахъ при воспоминаніи о матери и сестрѣ или объ умершихъ товарищахъ,—быть можетъ, онѣ и представляли бы тамъ извѣстный интересъ, а внѣ мемуаровъ—каковъ удѣльный вѣсъ ихъ?..

Впрочемъ, и душевныя настроенія стихи эти отражаютъ далеко неполно. Нѣкоторыя стихотво-

*) Изъ письма Вѣры Николаевны къ П. Ф. Якубовичу.

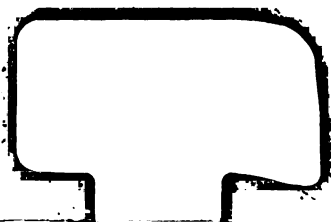
ренія я забыла и возстановить не могу; другія, быть можетъ, и весьма характерныя для тюрьмы, очень слабы по формѣ. Конечно, только истинный поэтъ могъ-бы воплотить въ звуки всѣ фазы ярости, остраго какъ ножъ отчаянія и настоящей душевной агоніи, все, что было пережито въ разные періоды 22-лѣтія. Чего-чего не было за это время! И настроеніе христіанской мученицы, готової все снести съ кротостью агнца... и ярость пантеры, заключенной въ клѣтку и грудью и когтями бьющейся въ ней, въ порывѣ неуголимаго желанія свободы... и безконечная снѣжная пелена, когда все застыло, все успокоилось, и началось существованіе „безъ настроенія“, безъ остраго страданія, безъ мукъ отъ сознанія своихъ силъ и своего безсилія, когда думалось, что уже „свершилась судьба“, и единственный исходъ — смерть, естественная, спокойная, съ блѣднымъ утѣшеніемъ, что ляжешь рядомъ съ тѣми, кто умеръ раньше, и заслужишь такое-же теплое чувство, которое самъ питаешь къ дорогимъ покойникамъ.

... И вдругъ! опять ударъ въ замкнутую дверь... стукъ жизни, призывающій: „Возстань и гряди!“ Ахъ, П. Ф., когда человѣкъ уже рѣшилъ, что все кончено, и примирился съ этимъ, отказался жить, то быть вновь разбуженнымъ крикомъ „живи!“ — это цѣлая трагедія, мука, отъ которой даже и сейчасъ я не могу еще освободиться... Но не буду ужъ писать объ этомъ.

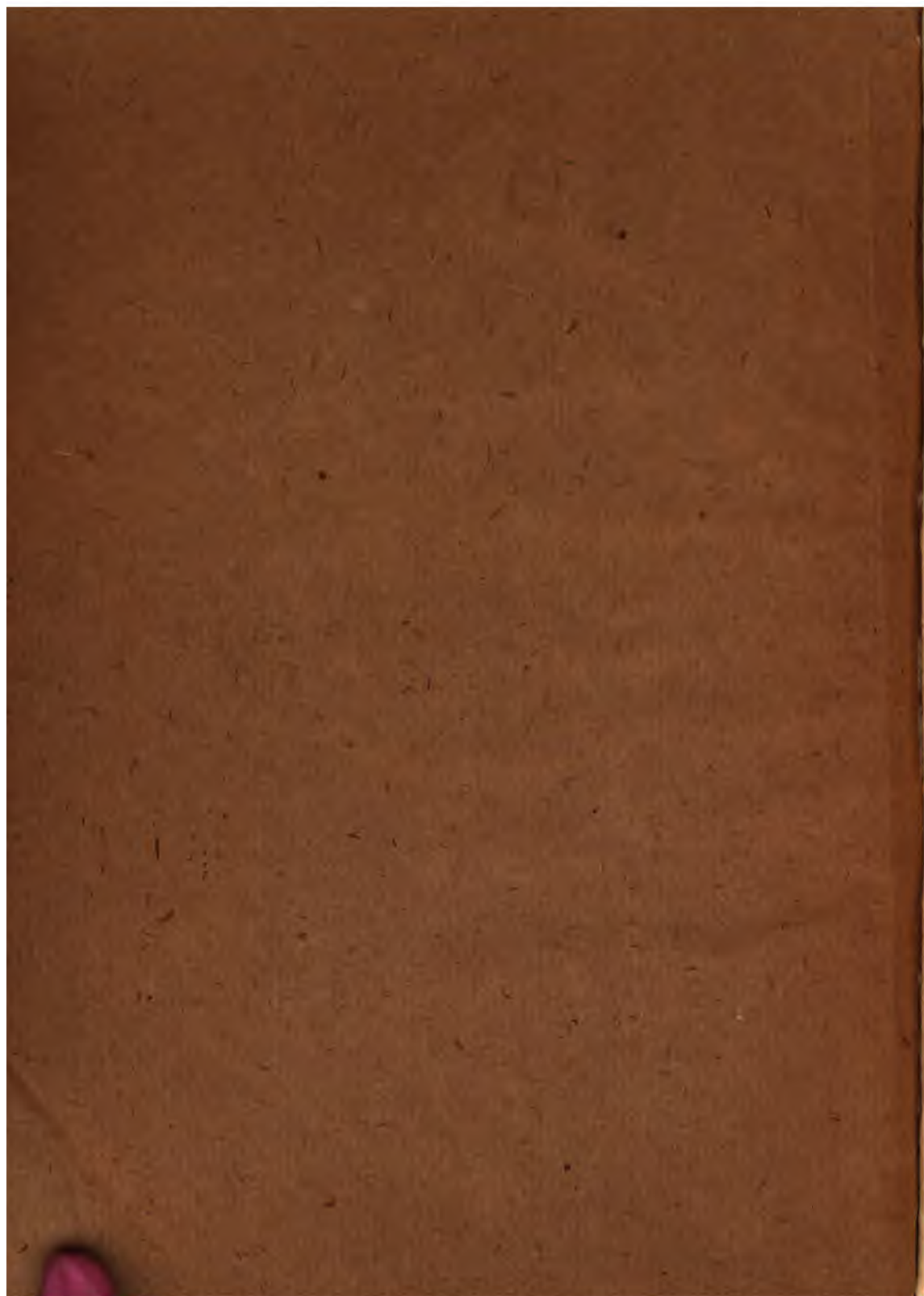
... Въ концѣ сборника можно бы помѣстить „Пали всѣ лучшіе“, посвященное погибшимъ въ заключеніи товарищамъ. Это и хронологически—послѣднее стихотвореніе; послѣ него источникъ изсякъ...

Колыбельная пѣснь.

Милый узникъ, спи спокойно, *А*
Баюшки-баю!
Если сердце безпокойно,
Хочешь—пѣснь спою?
Ты боролся за свободу
И гнѣзда не виль;
Счастья ты желалъ народу,
Для себя не жилъ.
Зналъ ты въ жизни узы братства,
Но семьи—не зналъ!
Ни почета, ни богатства
Въ жизни не стяжалъ.
Если жизни не отняли —
Ты ли виновать?
А за подвигъ если-бъ взяли—
Былъ бы счастливъ, братъ!
Есть преданіе сѣдое,
Что когда-то встарь
Испытать бойца-героя
Вздумалъ хитрый царь.
И послалъ онъ дорогія
Ткани и парчи,
Жемчугъ, кубки золотые,
Стрѣлы и мечи.
Не прельстился витязъ златомъ
И не взялъ жемчугъ,

БИБЛИОТЕКА ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ.

1906 г. — № 3.

В. Н. Фигнеръ.

14792

СТИХОТВОРЕНІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. А. Гольдберга, Лиговская, 57.

1906.

Вмѣсто предисловія *).

... Посылаю вамъ небольшой сборникъ своихъ стихотвореній. Я выбрала лучшія, вѣрнѣе сказать—тѣ, которые казались такими мнѣ и моимъ товарищамъ по заключенію, хотя они одобряли и многія другія, вѣроятно, изъ снисходительности къ автору. Штукъ семь уже были въ печати въ разное время и въ разныхъ изданіяхъ и, по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, нравились, быть можетъ, какъ характерныя для тюремнаго настроенія, а быть можетъ, изъ интереса къ автору, такъ какъ публика относится ко всѣмъ намъ съ такой сердечной теплотой и вниманіемъ, что чувствуешь себя положительно подавленной сознаніемъ, что на такую любовь, на такое горячее отношеніе надо-бы отвѣтить чѣмъ-нибудь громаднымъ, какимъ-нибудь подвигомъ,—а удастся-ли въ жизни оплатить дѣятельностью то, что дано больше всего пассивнымъ перенесеніемъ заточенія?..

... Признаюсь, къ художественному значенію моихъ стиховъ я отношусь отрицательно. Настоящее мѣсто имъ было бы, кажется, въ воспоминаніяхъ о Шлиссельбургской крѣпости. Написанные часто въ порывѣ горести, въ слезахъ при воспоминаніи о матери и сестрѣ или объ умершихъ товарищахъ,—быть можетъ, онѣ и представляли бы тамъ извѣстный интересъ, а внѣ мемуаровъ—каковъ удѣльный вѣсъ ихъ?..

Впрочемъ, и душевныя настроенія стихи эти отражаютъ далеко неполно. Нѣкоторыя стихотво-

*) Изъ письма Вѣры Николаевны къ П. Ф. Якубовичу.

* * *

Милые, дальніе дѣтскіе годы!
Вы, какъ весенніе нѣжные всходы—
Любо на раннюю нивку взглянуть,
Взоромъ усталымъ на васъ отдохнуть!

Ровною бархатной вы пеленою
Стелетесь въ синей дали предо мною,
Свѣжіе, чистые... Что, какъ не васъ,
Мнѣ рисовать здѣсь въ мучительный часъ?

Тамъ, вдалекѣ, нѣтъ борьбы и тревоги...
Тамъ не заказаны жизни дороги...
Міръ необъятный съ привѣтомъ глядитъ,
Счастье и радость въ грядущемъ сулитъ...

О, благодать!.. Тамъ въ душѣ нѣтъ томленій,
Ярости взрывовъ, враждебныхъ стремленій...
Тихо на сердцѣ, въ душѣ нѣтъ страстей—
Ясная зоренька брезжится въ ней!...

Муки страданья, потери, печали
Ядомъ горячимъ на сердце не пали—
Свѣтелъ, здоровъ еще дѣвственный умъ,—
Нѣтъ на душѣ тяготящихся думъ!..

* * *

Прощальный взгляд сестры любимой
Доселѣ въ сердцѣ я храню:
Тотъ взглядъ любви невыразимой
Съ собой и въ землю схороню!

Казалось, въ трудный часъ разлуки
Всѣ чувства вдругъ проснулись въ ней
И сердца любящаго муки
Отозвались въ душѣ моей...

Въ надеждѣ увидаться снова,
Ушла... не оглянулась мать!
Сестра-жъ осталась у порога,
Чтобъ этотъ взглядъ послѣдній дать.

Со взоромъ, полнымъ состраданья,
Въ глубокой скорби и тоскѣ,
Безмолвнымъ символомъ страданья
Въ тотъ мигъ она казалась мнѣ.

Когда бы поднять надо мною
Палачъ на плахѣ свой топоръ,
Едва ли-бъ съ большею тоскою
Смотрѣлъ тотъ жгучій скорбный взоръ!

И стало на сердцѣ мнѣ жутко—
А все въ дверяхъ стоитъ она...
Но вотъ одна, одна минутка—
И связь живая порвана...

Дверь заскрипѣла, закачалась
И хлопнула въ послѣдній разъ...
За ней все та же скорбь осталась,
Но не видать ужъ скорбныхъ глазъ!

1887 г.

Къ Л. А. Волкенштейнъ.

Не на волѣ широкой—подъ сводомъ тюрьмы
Мы впервые съ тобой повстрѣчались
Въ тѣ тяжелые дни, когда съ жизнію мы
Предъ суровою карой прощались...
Было мнѣ въ эти дни не до новыхъ людей:
Жизнь пропедшая мнѣ рисовалась...
Проходилъ предо мной рядъ погибшихъ друзей,
Братство славное мнѣ вспоминалось...
Съ этимъ братствомъ несла я тревоги борьбы—
Силы сердца ему отдавала:
Всѣ несчастья, измѣны, удары судьбы
До послѣдняго дня раздѣляла...
Но союзъ нашъ, борьбою распатанный, палъ,
Неудачи его сокрушили:
Безпощадно судъ смертию однихъ покаралъ,
Въ равелинѣ другихъ схоронили...
И пришлось въ день расчета одной мнѣ предстать
Съ грустнымъ взоромъ, назадъ обращеннымъ,
Между новыхъ людей одинокою стать
Съ думой тяжкою, съ сердцемъ стѣсненнымъ...
Мудрено-ль, что тебѣ, какъ подругѣ чужой,
Равнодушно я руку пожала?

Жизнь кончалась, и ночь надо мной
Свой туманный покровъ разстилала...
И не думала я, что со мной ты войдешь
Въ эти стѣны дѣлить одно бремя,
Что въ тебѣ я опору и друга найду
Въ безразсвѣтное, трудное время!

* * *

Ахъ, повѣришь ли ты, что отъ шутки порой
 Не улыбка лицо озаряетъ,
 А сжимается сердце тяжелой тоской
 И слеза на глаза набѣгаетъ...

Отчего же бываетъ отъ шутки больнѣй
 Въ обстановкѣ суровой неволи—
 Я не знаю... Контрастъ поражаетъ ли въ ней?
 Равнодушіе слышится, что-ли?..
 Только часто крѣпишься, чтобъ слезы сдержать,
 И хоть трудно, но все-жъ удастся...
 А придется шутливую рѣчь услышать—
 И наружу все горе прорвется...

Многосложна душа: много мѣстъ въ ней боль-
 ныхъ,

Не одна къ нимъ дороженька вьется..
 Взять захочешь аккордъ, полный звуковъ жи-
 выхъ,

А глядишь—диссонансъ раздается!
 Такъ повѣрь же ты мнѣ, что отъ шутки порой
 Не улыбка лицо озаряетъ,
 А сжимается сердце тяжелой тоской
 И слеза на глаза набѣгаетъ.

* * *

На небѣ солнышко играетъ,
Бѣжитъ узоръ изъ облаковъ,
И вѣтеръ тихо колыхаетъ
Головки бѣлыя цвѣтовъ.

Въ тюрьмѣ простора нѣтъ большого:
Вездѣ стѣна, песокъ, заборъ...
Клочокъ лишь неба голубого
Да тѣ цвѣты ласкаютъ взоръ.

Порой, съ тоскою затаенной,
На это небо поглядишь
И взоръ, со всѣхъ сторонъ стѣсненный,
На тѣ цвѣты вновь обратишь.

Цвѣты простые, полевые
Взросли случайно—три куста.
Да, только три... Но все-жъ родныя
Они рисуютъ мнѣ мѣста!..

И мнится мнѣ село родное,
Небесъ свободныхъ синева
И лугъ любимый за рѣкою,
Его цвѣты, его трава!..

Какъ хорошо въ травѣ душистой
Въ безпечной нѣгѣ полежать,
Смотрѣть на сводъ лазури чистой,
Слѣдя за облачкомъ, мечтать!..

На небѣ солнышко играетъ,
Изъ облаковъ узоръ плыветъ,
Цвѣтами вѣтеръ колыхаетъ —
И шелестъ по лугу идетъ!..

* * *

Склонясь задумчиво, рукой
Песокъ я здѣсь перебираю...
И увлекаюсь я мечтой,
И въ міръ иной перелетаю!
Вдали отъ стѣнъ тюрьмы глухой
Песокъ мой прежде разстилался;
На берегу рѣки большой
Онъ на просторѣ красовался.
Кругомъ стоялъ сосновый лѣсъ,
Вѣтвями темными качая,
А необъятный сводъ небесъ
Сіялъ, весь берегъ озаряя.
И день, и ночь съ рѣчной волной
Тамъ золотой песокъ шептался...
Въ полдневный зной и въ часъ ночной
Съ ней поцѣлуями мѣнялся...
Теперь же съ грустью о волнѣ
И о просторѣ онъ вздыхаетъ,—
И берегъ свой рисуетъ мнѣ
И въ міръ свободы увлекаетъ...
И мнится мнѣ—то берегъ Цны,
Зеленый сводъ сосны душистой,
То синій валъ морской волны
И берегъ Крыма золотистый.

Пасхальная ночь.

Сегодня въ ночь по городамъ,
 По селамъ, скромнымъ деревнямъ,
 Повсюду громкій звонъ идетъ —
 Онъ въ храмъ торжественно зоветъ...
 И тамъ, средь тысячи огней,
 Блестящихъ ризъ, лампадъ, свѣчей
 Крестъ золотой всѣхъ освѣнитъ
 И гимнъ прекрасный прозвучитъ
 Глубоко-радостной волной
 Надъ умиленною толпой...
 Въ томъ храмѣ съ праздничнымъ лицомъ
 Когда-то въ дѣтствѣ предъ крестомъ
 И мы стояли... и съ толпой
 Своей сливались душой...

 Хоругвь, молитва, Божій храмъ —
 Все позабыто, чуждо намъ...
 Но чуть лишь звонъ тотъ къ намъ дойдетъ —
 Онъ все забытое вернетъ
 И тянетъ вновь съ толпою быть,
 Одною жизнью съ нею жить!
 Туда, въ веселый міръ огней,
 Гдѣ праздникъ... свѣтъ... гдѣ нѣтъ тѣней...
 И пусть ужъ въ сердца вѣры нѣтъ —
 Въ немъ чувства дѣтскаго есть слѣдъ!

1889 г.

* * *

Въ минуты покоя иль проблеска счастья,
Когда есть надежда на жизнь впереди,
Полно наше сердце любви и участия—
Привѣтомъ и ласкою бьется въ груди.

Всѣ люди, какъ будто, намъ братья родные.
Готовы мы страждущихъ бремя поднять...
Находятъ въ насъ откликъ печали чужія,
Хотѣли-бъ скорбящихъ мы къ сердцу прижать!

Для всѣхъ у насъ нужное слово найдется:
Съ горячею силой оно прозвучить...
И сердце больное ровнѣе забьется,
Когда къ нему братскій привѣтъ долетитъ!

Въ душѣ—словно чистый родникъ, что струею
Прозрачной изъ нѣдръ земли-матери бьетъ,
И жаждущихъ всѣхъ наполяетъ собою,
И всѣмъ свою тихую пѣсню поетъ.

Въ минуты же тяжкихъ душевныхъ терзаній
Любовь исчезаетъ въ груди безъ слѣда:
Смолкаетъ въ ней все, кромѣ личныхъ страданій—
И людямъ нѣтъ доступа къ сердцу тогда..

Уже не срывается слово живое
При видѣ людскихъ испытаній и бѣдъ,
И сердце, къ чужому несчастью глухое,
Даетъ лишь сухой, безучастный отвѣтъ...

Въ такія минуты и другъ нашъ любимый
Напрасно за лаской обычной придетъ—
Уйдетъ онъ, все тою же жаждой томимый,
У насъ утѣшенья себѣ не найдетъ...

Такъ путникъ, порою, въ степи тщетно ищетъ
Знакомый родникъ и къ землѣ припадетъ:
Онъ въ руслѣ засохшемъ лишь камень отыщетъ,
Песокъ раскаленный одинъ лишь найдетъ...

1890 г.

Б и б л і я.

Книга прекрасная! Повѣсть народная
 Краткаго блеска, немногихъ побѣдъ
 И безконечная лѣтопись скорбная
 Гора, страданій и бѣдъ!..
 Въ мукахъ томленія, въ скорби паденія
 Древній народъ, какъ живой, возстаетъ...
 Кончено все—для него нѣтъ спасенія!
 Чаша полна—и онъ гибель найдетъ!
 Онъ же, разбитый, несчастный, отверженный,
 Въ прахъ предъ людьми и предъ Богомъ повер-
 женный,
 Все еще вѣрить и все еще ждать...
 Вѣрить съ надеждою, ждать съ упованіемъ,
 Что за тяжелымъ и долгимъ страданіемъ
 Чась его славы и блеска придетъ!
 Чудная повѣсть! Въ ней сердцемъ страдающій
 Кроткій покой обрѣтетъ:
 Жгучее горе въ душѣ изнывающей
 Смолкнетъ... на время заснетъ...
 Власть непонятная, сила волшебная
 Древнимъ словамъ этой книги дана!
 Въ мукѣ народной есть сила цѣлебная—
 Сердце больное врачуетъ она!

1888 г.

* * *

Словно осенній туманъ надо мной
Темный покровъ разстилагетъ,
Смутно-неясной, тяжелой волной
Душу мою заливаешь.
Все пеленою своею прикрыль
Всѣ очертанія сгладилъ,
Яркія краски и образы смылъ,
Сърую мглу лишь оставилъ.
Тяжкой кручиной она налегла
На сердце, грудь придавила,
Саваномъ чувства мои облекла,
Силы къ землѣ приклонила.
Тщетно хочу я туманъ разогнать,
Сбросить, стряхнуть мглу съдую,
Тщетно хочу силой воли сломать
Въ сердцѣ кручину глухую!
Нѣтъ силы воли... энергіи нѣтъ...
Никнетъ мой духъ предъ печалью...
И среди тучъ не является свѣтъ
Съ ясно-лазоревою далью.
Позднею осенью въ пасмурный день
Тучъ дождевыхъ не разсѣять;
Мглу и туманъ, и печальную тѣнь
Въ сердцѣ больномъ не развѣять!..

1892 г.

* * *

Тихій твой привѣтъ неожиданный
Мысль и чувство пробудилъ,
Но покровомъ мглы туманной
Онъ мнѣ душу осѣнилъ.

Поздней осенью, порою,
Такъ по лѣсу пробѣжить
Тихій вѣтеръ и листвою
Пожелтѣвшей зашумить.
Тотъ осенній вѣтеръ дальній,
Тѣ умершіе листы
Говорятъ, какъ другъ печальный,
Какъ увядшія мечты...
Грустно станеть поневолѣ...
Бросишь взглядъ вокругъ и вдаль
Все мертво—и лѣсъ, и поле,
И наводитъ все печаль...
Свѣтовые переливы
Въ желтыхъ листьяхъ ловить взоръ,
А въ душѣ вьютъ прихотливо
Мысль и чувство свой узоръ.

1889 г.

Къ ребенку.

Въ простомъ и легкомъ ты нарядѣ,
Румянецъ на щекахъ горить...
Пытливый умъ горитъ во взглядѣ
И сердце чудное сулитъ.

Кругомъ весны благоуханье...
Въ саду всѣ яблони въ цвѣту...
И птичекъ гамъ, и пчелъ жужжанье,
И свѣтъ, и тѣни на лугу...

Здорова ты, рѣзва, счастлива,
Легко тебѣ среди цвѣтовъ...
И звонкій смѣхъ звучитъ игриво
То здѣсь, то тамъ, среди кустовъ.

Но въ восемь лѣтъ не все-жъ рѣз-
виться,

И хочешь умницей ты быть:
На часъ готова ты смириться,
Надъ книжкой голову склонить...

И вотъ ты въ комнатѣ и важно
„Слона и Моську“ говоришь,
Иль ручкой маленькой отважно
Кривыя А и Б чертишь.

А ввечеру ты вся—вниманье:
Тебѣ разсказъ читаютъ вслухъ...
Въ немъ, повѣствуя о страданьи,
О трудной долѣ, дѣтскій другъ

Отъ голода въ борьбѣ съ нуждою
Швею заставилъ умирать...
И слышу—съ дѣтскою тоскою
Ты громко начала рыдать!

1888 г.

* * *

Ужели, товарищъ, обида проходить
Въ душѣ мимолетною лѣтней грозой,
И ясное теплое солнышко всходить,
Какъ прежде, за бурей, надъ нашей душой?!

Ужели же бури деревъ не сгибають,
Вѣтвей не калѣчатъ и листьевъ не мнутъ?
Ужели обиды души не ломають
И лучшія чувства не рвутъ?

1891 г.

Памяти Баранникова.

Зачахъ ты въ страданьяхъ неволи,
Прекрасный, отважный герой!
Достоинъ былъ лучшей ты доли,
Мечталъ ты о смерти иной.

Тебя въ равелинѣ сокрыли—
Нашли неудобнымъ казнить...
Но жизнь лишь затѣмъ подарили,
Чтобъ медленной пыткой убить!

Съ душою отважной и страстной,
Для бурь ты былъ созданъ и грозъ:
Погибнуть на битвѣ опасной
Мечту ты въ могилу унесъ.

Ты не былъ апостоломъ слова,
Героемъ болтливой толпы...
Съ душою закала иного,
Искалъ ты и жаждалъ борьбы!..

Поборникъ свободы и чести
Въ странѣ миллионовъ рабовъ,
Казался ты ангеломъ мести,
Вождемъ непокорныхъ духовъ..

Съ прекраснымъ лицомъ горделивымъ,
Съ рукою, поднятой на мечь,
Впередъ ты стремился съ призывомъ:
„Побѣда!.. Побѣда—иль смерть!“

* * *

Мнѣ дерево снится въ лѣсу иногда—
Подрублено вплоть до середины...
Его древесина, какъ прежде, тверда,
Да нѣтъ ужъ почти сердцевины.
Глубоко топоръ беспощадный рубилъ,
И черная рана зѣяетъ...
До самаго сердца металлъ доходилъ,
И червь его дѣло кончаетъ.
Кудрявая зелень, какъ прежде, пышна,
Но яркій листокъ ужъ блѣднѣетъ,
И медленнѣй катится жизни волна,
И медленно сила слабѣетъ...
Кругомъ, какъ и прежде, тѣснятся толпой
Могучіе дубы, какъ братья,—
Сплетаюсь вершинами въ чащѣ лѣсной,
Къ нему протянули объятья.
И солнце надъ нимъ, какъ и прежде, блеститъ,
Лучами его согрѣвая,
И вѣтеръ, какъ прежде, въ листьѣ шелеститъ,
Неясную пѣснь напѣвая.
Но что изъ того?.. Сила жизни взята
И въ сердцѣ энергія тухнетъ...
И червь его точитъ, и въ немъ пустота...
— Ужели воспрянетъ, не рухнетъ?!

1889 г.

* * *

Прости меня, мой другъ, и знай,
Что создана я прихотливой,
И горячо не принимай
Ты каждый мой порывъ строптивый.
Кротка бываю я порой,
Проста, любезна и сердечна...
Но берегись, другъ милый мой,—
Та доброта не долговѣчна.
Пришла другая полоса:
На душу словно тѣнь упала —
Не свѣтять ласково глаза,
Какъ будто дымка ихъ заткала.
Строга, надменна, холодна,
Ко всѣмъ придирчива, сурова,
Чувствъ непріязненныхъ полна,
Разбить, попрасть я всѣхъ готова!
Напрасно умъ тогда твердить:
„Вѣдь человѣкъ же предъ тобою,
Навѣрно, сердце въ немъ болитъ!..“
Безсильна я предъ волей злою.
Но миновалъ ненастный день—
На утро солнце выплываетъ
И гонить сумрачную тѣнь...
Мой добрый геній побѣждаетъ.
И стыдно мнѣ... и жаль людей...
Зачѣмъ ихъ мучила, терзала?
Зачѣмъ суровостью своей

Страдать душою заставляла?
И чувства добраго порывъ,
Проснувшись разъ, все нарастаетъ,
Пока, всю силу истощивъ,
Въ другую крайность не бросаетъ.
Такъ, безконечной чередой
Въ груди моей два чувства бьются:
Капризно-нервною волной
Впередъ бѣгутъ и вспять несутся,

1892 г.

* * *

Порой въ тоскливую неволю
Живая книжка попадетъ
И вдругъ поманить за собою
И въ жизнь людскую увлечетъ.
Борьба и трудъ, къ добру стремленье,
Любовь и радости людей
И ихъ страданья, ихъ мученья
И горечь ѣдкая страстей —
Все воскресаетъ предъ глазами
Въ картинахъ, въ образахъ живыхъ,
Рисуясь яркими чертами
Въ однообразьи дней глухихъ.
И чуешь въ мертвомъ снѣ застоя,
Томящей душу пустоты,
Какъ будто, вѣянье живое
Надеждъ иль призрачной мечты...
Склонясь надъ книгой, забываешь
Свой тѣсный міръ, тюрьму, себя...
Съ чужой душой свою сливаешь,
Съ ней ненавидя, съ ней любя!..
И тою властью силы дивной,
Что мы сочувствіемъ зовемъ,
Въ минуты тѣ, хотя фиктивной,
Но все же жизнью мы зовемъ.

1892 г.

* * *

Ужъ двадцать мѣсяцевъ въ тюрьмѣ,—
И жду суда я, словно милость:
Измѣнять скоро силы мнѣ—
Страданьемъ сердце истомилось.
Лишь какъ-нибудь бы дотянуть,
Съ лицомъ спокойнымъ появиться,
На судей холодно взглянуть
И снова въ кельѣ схорониться!
Не смерти жду я отъ суда:
Я знаю—жизнь онъ мнѣ оставить...
Но мертвенный покой тогда
Въ душѣ взволнованной настанетъ.
Вошла съ распатанной душой
Я въ эти сумрачныя стѣны,
И прогремѣлъ въ нихъ, вслѣдъ за мной,
Гулъ торжествующей измѣны...
Сюда съ собой я принесла
Тяжелыхъ дней воспоминанья,
Но здѣсь всю горечь испила
Безмолвной муки и страданья.
Здѣсь, за тюремною стѣной,
Могу теперь я оглянуться—
Надъ разоренною душой,
Въ тоскѣ, глубоко содрогнуться...
Одна я здѣсь, наединѣ,
Не надо лгать и притворяться;
Въ глаза никто не смотритъ мнѣ,
И скорби я могу отдаться.

Кругомъ души живой здѣсь нѣтъ:
Не растопчу ничьи я грезы!
Не грянуть здѣсь отъ стѣнъ въ отвѣтъ
Ни крикъ отчаянья, ни слезы!
Гнетъ вывѣсокъ и клочекъ спаль,
Освободился умъ стѣсненный,
И человекъ во мнѣ возсталъ,
Подавленный и угнетенный...
И все, что въ глубинѣ души,
На самомъ днѣ ея, таилось
Среди таинственной тиши—
Грозою страстной разразилось.
Такъ, переполнясь до краевъ,
Рѣка изъ русла выступаетъ
И, разломавъ покровъ изъ льдовъ,
Луга и нивы затопляетъ.

1884 г.

* * *

Когда въ неудачахъ смолкаетъ борьба,
И жизнь тяготитъ среди травли жестокой,
На помощь, какъ другъ, къ намъ приходитъ судьба,
Въ тюрьмѣ предлагая пріютъ одинокій.
Съ умомъ утомленнымъ, съ душою больной,
Въ живую могилу мы сходимъ
И полный поэзіи миръ и покой
Въ стѣнахъ молчаливыхъ находимъ...
И жгучее чувство въ груди день за днемъ
Подъ каменнымъ сводомъ стихаетъ,
Какъ солнца палящаго лучъ за лучемъ
Въ вечерней зарѣ потухаетъ.
И чудится, ночь разлилась надъ землею
И вѣетъ въ лицо намъ прохладой,
И, зноемъ измучены, воздухъ сырой
Вдыхаемъ мы съ тайной отрадой.
И пусть намъ придется въ тюрьмѣ пережить
Рядъ новыхъ тяжелыхъ страданій,—
Для сердца людского родъ мукъ измѣнить—
Нерѣдко предѣлъъ всѣхъ мечтаній!

1890 г.

* * *

Пали всѣ лучшіе... Въ землю зарытые
Въ мѣстѣ пустынномъ безвѣстно легли!
Кости, ничьею слезой не омытыя,
Руки чужія въ могилу снесли...

Нѣтъ ни крестовъ, ни оградъ, и могильная
Надпись объ имени славномъ молчить...
Выросла травка, былинка безсильная,
Долу склонилась—и тайну хранить...

Были свидѣтелемъ волны кипучія,
Гнѣвно вздымаются, берегъ грызутъ...
Но и онѣ, эти волны могучія,
Родинѣ вѣсточку въ даль не снесутъ!

1897 г.

Изъ письма къ архангельскимъ ссылнымъ.

Дорогіе товарищи! Я получила ваши привѣтствія и сердечно благодарю за нихъ. Сказать вамъ, что я тронута ими—было бы сказать слишкомъ мало: онѣ пробуждаютъ цѣлую волну смѣшанныхъ чувствъ, въ которой звучить и радость, и печаль. Радостно видѣть вашу бодрость и смѣлость, видѣть ваше одушевленіе и многочисленность... Радостно слиться съ вашими надеждами на лучшее будущее... Но грустно оглянуться на пережитое и на оставленныхъ друзей... Если бы хоть маленькая струйка вашего сочувствія, хоть маленькій притокъ вольнаго воздуха и свѣжихъ людей проникалъ къ намъ—намъ жилось бы легче! Но мы были оторваны всецѣло и безнадежно отъ всего дорогого и милаго, и это было, пожалуй, тяжелѣй всего...

Часто воображеніе рисовало мнѣ картину Верещагина, въ натурѣ никогда, впрочемъ, не видѣнную мною: на вершинѣ утесовъ Шипки, въ снѣговую бурю, стоитъ недвижно солдатъ на караулѣ, забытый своимъ отрядомъ... Онъ сторожитъ покинутую позицію и ждетъ прихода смѣны... Но

смѣна медлитель... смѣна не приходитъ... и не придетъ никогда! А снѣжный буранъ крутится, вьется и понемногу засыпаетъ забытаго... по колѣна... по грудь... и съ головой... И только штыкъ виднѣется изъ-подъ сугроба, свидѣтельствуя, что долгъ исполненъ до конца.

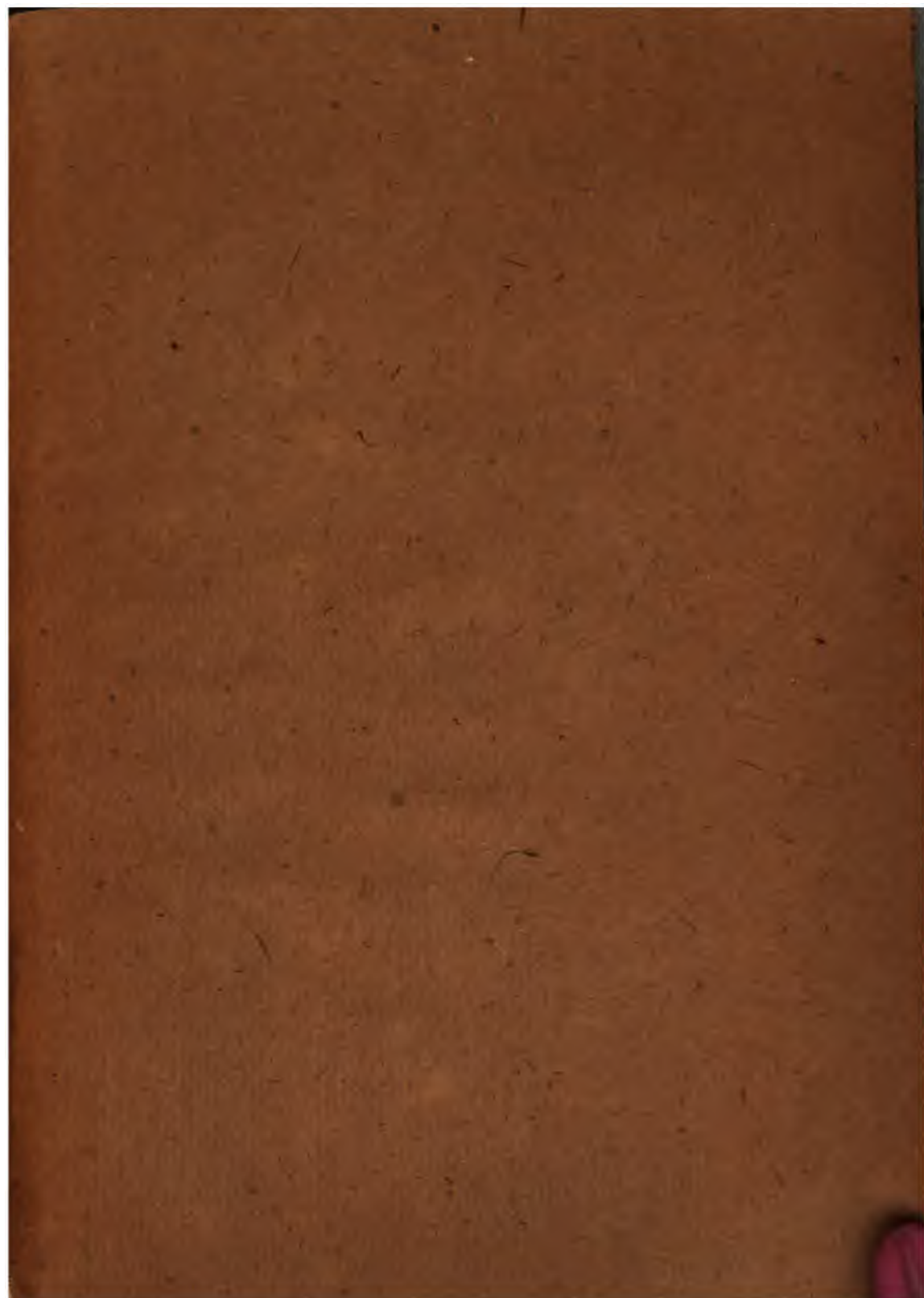
Такъ жили и мы, годъ за годомъ, и тюремная жизнь, какъ снѣгомъ, покрывала наши надежды, ожиданія и даже воспоминанія, которыя тускнѣли и стирались... Мы ждали смѣны, ждали новыхъ товарищей, новыхъ молодыхъ силъ... Но все было тщетно: мы старѣлись, изживали свою жизнь—а смѣны все не было и не было!

И мнилось, что все затихло, все замерло... и на свободѣ та-же пустыня, что и въ тюрьмѣ...

Но—нѣтъ! Мы были отторгнуты отъ жизни, но жизнь не прекратилась и шла другими многочисленными руслами... И то, что нѣкогда было сравнительно небольшимъ теченіемъ, превращается нынѣ въ бурный и неудержимый потокъ. Только стѣны были слишкомъ непроницаемы и глухи, и мы лежали, какъ мертвый камень лежить на руслѣ, временно покинутомъ или обойденномъ большой рѣкой...

1905 г.

PG 3460 .F49 S8 1906
Stikhotvorenia /

C.1

Stanford University Libraries

3 6105 040 135 258

CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(650) 723-1493
grncirc@sulmail.stanford.edu
All books are subject to recall.

DATE DUE

MAR 02 2001
FEB 07 2000
SEP 07 2001

APR 03 2001

JAN 08 2005
JAN 08 2004

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305

